

Глава 9

Розы-людоеды

Ю Линь, поваленный Заключённым на пол, скорчился у кровати. В ту же секунду из вазы у изголовья вытянулся стебель — в самом центре розового бутона заворчалось белесое, лишенное зрачка глазное яблоко. Оно вращалось в лепестках, с безумным любопытством ощупывая взглядом парня.

Ползучие побеги впились в плоть; тонкие, как волоски, корешки мгновенно оплели предплечье. Они копошились, словно клубок черных червей, жадно присосавшись к коже и высасывая кровь. Юноша едва не закричал от невыносимой боли, но в последний миг до крови прикусил губу.

«Нельзя... нельзя издавать ни звука! Иначе она найдет меня!»

С трудом волоча за собой впившуюся в руку розу, он отполз к окну и спрятался за тяжелой тканью штор.

Боль была почти запредельной. Перед глазами Ю Линя плыли черные круги, но именно в этот момент из пустоты донесся знакомый голос:

— Лин-лин, где же ты?

— Где мой маленький Лин-лин?

Голос звучал то приближаясь, то затихая где-то вдали.

— Выходи, мама хочет на тебя посмотреть.

Сердце беглеца забилося о ребра, как пойманная птица.

Розы продолжали пить его кровь, и глаз в бутоне постепенно обретал плоть: появились веки, влажная оболочка и крошечный, уродливый рот. Цветы разомкнули свои лепестки-губы и издали тонкий, ехидный писк:

— Он здесь! Хи-хи! Он здесь!

«Проклятие!» — пострадавший мертвой хваткой вцепился в бутон, пытаясь заглушить этот звук, но писк продолжал сочиться сквозь пальцы. Помешать ему было невозможно.

— Иди скорее, скорее! Он здесь!

Под краем шторы показались заношенные женские тапочки — грязные, с пожелтевшими от времени краями.

— Па-да, па-да...

Шаги были медленными, шаркающими. Неизвестная медленно проходила мимо него, из стороны в сторону, не переставая звать его по имени. Наконец обувь исчезла за краем занавески.

«Ушла... Мама ушла, она не заметила».

Ю Линь судорожно выдохнул и бессильно привалился к стене.

Так продолжаться не может. В следующий раз, когда наступит день, он должен заранее занять место рядом с надежным укрытием. Чтобы, как только тьма падет на больницу, успеть спрятаться вовремя. Нельзя допустить, чтобы это повторилось!

Пока он лихорадочно соображал, послышался резкий шорох — шторы рванули в стороны!

Знакомое и одновременно чуждое лицо матери — синюшно-фиолетовое, с неестественно длинным высунутым языком — замерло прямо перед ним. Она висела под потолком вниз головой, глядя ему в глаза.

— Нашла... Нашла своего... послушного мальчика!

Ее руки были спрятаны за спиной, словно она пыталась что-то скрыть, но, застыв в перевернутой позе, она не заметила, как из-за плеча выскользнул край ее «подарка».

Это была длинная, тонкая петля из веревки, почерневшей от времени и влаги. Та самая веревка, на которой Ю Линь когда-то повесил ее на чердаке.

Сяо Цзи и Дуань Вэньчжоу, укрытые простыней, пока оставались в безопасности.

Они внимательно прислушивались к звукам снаружи. Тишины не было — мир вокруг заполнился хаосом шагов и голосов. Любящая мать звала свое дитя; дети с веселым смехом носились вокруг кроватей, играя в прятки; слышались отчаянные крики женщин и яростный рев мужчин.

Ночной мир больницы оказался куда многолюднее дневного. Среди этого безумия Сяо Цзи различил чей-то тихий, вкрадчивый голос, читающий обрывки любовной элегии:

«Любовь моя...

Ты прячешься во тьме,

Слушая меня издалека.

Но голос мой не коснется тебя,

Словно поцелуй,

Запечатавший твои уста».

Дуань Вэньчжоу тоже услышал эти строки. В темноте он возмущенно округлил глаза, всем своим видом выражая негодование доктору.

«Брат Сяо! Да этот тип просто наглец!»

Сяо Цзи не обратил внимания на безмолвное возмущение спутника. В свое время, когда тот одержимый пациент преследовал его, подобных стихов было в избытке — у врача давно выработался к ним иммунитет. Примерно через восемь минут свет вспыхнул вновь.

Они выбрались из своего укрытия. Лицо Дуань Вэньчжоу пылало, он плотно сжал губы и спускался с кровати с явной неловкостью.

В палате всё вернулось в норму. Розы мирно покачивались в вазах, хотя их лепестки стали как будто еще ярче и сочнее.

Сяо Цзи бросил на него быстрый взгляд:

— Нечем было дышать под одеялом?

Юноша сначала резко мотнул головой, но тут же закивал, и краска залила его лицо еще гуще.

— Да... Верно! Там было слишком душно!

[Мне кажется, с этим парнем что-то не так, но я никак не пойму, что именно...]

[Согласен. Наверное, дело в том, что он слишком нормальный. В Академии редко встретишь таких людей, обычно кругом одни психи и маньяки.]

— Помогите... умоляю...

Ю Линь, хрипя и хватаясь за горло, вывалился из-за штор и рухнул на пол. Вид у него был ужасающий. Его правая кисть почти полностью превратилась в скелет — плоть словно растворилась в какой-то агрессивной среде, обнажив идеально чистые белые кости.

Но еще страшнее было то, что из такой тяжелой раны не вытекло ни капли крови. На шее пострадавшего багровела глубокая борозда — «подарок» от его матери.

Остальные тоже выбрались из своих убежищ. Благодаря своевременному предупреждению Сяо Цзи, они не пострадали.

— Она убьет меня! Она меня убьет! — Ю Линь вытаращил глаза, крича от ужаса.

В этот раз его спасло только время. Он не сомневался: когда тьма вернется, мать прикончит его без колебаний. Или то, во что она превратилась — чудовище, порожденное Академией. А ведь были еще и эти жуткие розы!

Повинуясь врачебному инстинкту, Доктор Сяо осмотрел след на шее парня. Состояние было терпимым — рана болезненная, но пока не смертельная. Однако в следующий раз удача может отвернуться.

— Что с рукой? — спросил Сяо Цзи.

Ю Линь бросил взгляд на благоухающие букеты в вазах и содрогнулся.

— Розы... Розы едят людей!

Он сбивчиво пересказал то, что с ним произошло. Все присутствующие с ужасом воззрились на прекрасные цветы.

— Раз здесь так опасно, нужно немедленно уходить! — предложил парень из пары.

Сяо Цзи холодно отозвался:

— Подождите.

Он доверял своей интуиции. В этой комнате определенно что-то скрыто. Появление розовых

монстров лишь подтверждало эту теорию: они были стражами. А стражи всегда охраняют либо «ключ», либо «дверь».

— Копайтесь в этой комнате сами! Я не собираюсь здесь подышать!

Заключённый зло сплюнул и в одиночку вышел из палаты. Видимо, несмотря на отсутствие ран, тьма напугала его до смерти. Оставалось лишь гадать, кого он увидел там, в тенях, раз так спешил прочь.

Его уход никто не стал оспаривать. С тех пор как в предыдущем испытании погиб мужчина в костюме, атмосфера в группе стала натянутой. В спокойные минуты они еще могли разыгрывать из себя команду, но при первой же угрозе каждый был готов бросить товарища или даже подставить его, лишь бы самому выжить.

Сяо Цзи лихорадочно прокручивал в голове воспоминания о том пациенте. Вскоре одна деталь всплыла на поверхность. Тот человек обожал рисовать абстрактные картины или писать сюрреалистические стихи прямо у себя над кроватью. Сиделкам даже пришлось повесить там специальные холсты, чтобы он не портил стены.

Однако сейчас изголовья обеих кроватей были девственно чисты. Значит, подсказка находится в другом месте...

Сяо Цзи встал коленями на кровать и провел рукой по стене за ней. Пальцы наткнулись на плотную ткань. Резким движением он сорвал белое полотно, обнажая скрытую за ним картину.

— Ого, и впрямь запрятали! Брат Сяо, ну ты даешь, как ты только додумался!

Дуань Вэньчжоу готов был перевозносить доктора до небес, но, взглянув на полотно, он осекся. Его лицо на мгновение исказилось, а заготовленная шутка так и не сорвалась с губ. Лица остальных троих тоже застыли в странной гримасе.

Чат на мгновение замер, а затем взорвался градом сообщений.

[Ого... Вот это поворот...]

[Никак не ожидал.]

[На этой картине ведь...]